

УДК 81'27: 81'23

ЧЕЛОВЕК АРГОТИРУЮЩИЙ КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

А.П. Седых
А.А. Михайлов

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru*

Статья посвящена изучению арготирующей языковой личности в русле лингвокультурологического подхода к анализу языковых явлений. Арготирующая языковая личность рассматривается как определённый тип языковой идентичности, функционирующий в рамках специфических способов обмена коммуникативной информацией. Арготирующие способы языковой концептуализации соотносятся с определённым типом категоризации действительности. Перспективы исследования данного типа личности видятся в русле соответствующих когнитивно-коммуникативных методик.

Ключевые слова: языковая личность, речевая культура, арготический дискурс, семиотика коммуникации.

Введение

Ещё Аристотель сказал: «Из всех живых существ только человеку свойственен смех». Известно, что смех не является врождённым качеством, а человек – существо коллективное, и чтобы выносить присутствие других, он выдумал праздники, феерии, карнавалы. Любой индивид рано или поздно, сознательно или «бессознательно» принимает участие в карнавальной деятельности, частью которой является арготический дискурс [14, 117]. Данный тип дискурса предполагает наличие развитого уровня «параллельной» коммуникации у носителей любого национального языка, а также желания реализовать свои творческие возможности.

Арго и культура – понятия нераздельные. Об этом пишут большинство исследователей [6; 7; 10]. Известный исследователь арго В.С.Елистратов определяет арго как сложный феномен культуры, как поэтику, а не только лексику. По его мнению, арго следует рассматривать в контексте развития культур, это черновик будущей культуры. Автор определяет место арго в универсальной человеческой культуре (античность, средневековье, новое время), отмечает, что в арго диалектически сосуществуют устремленность к консервативности, замкнутости, эзотеричности и – к динамике, разомкнутости, демократизму. Борьба этих направленностей составляет основу развития системы и в то же время основу стабильности [6].

С точки зрения поведенческих установок коммуникативный потенциал культуры генерирует ограничения для её носителей: социокультурные, моральные, эстетические, мировоззренческие и др. Человек арготирующий (*homo argoticus*) стремится эти ограничения обойти. Данное явление имеет различные проявления: колкие остроты, хулиганский кураж, экзальтированный порыв и харизматический апломб [2, 81].

Теория и методология исследования

Человека арготирующего с полным основанием можно отнести к своеобразному типу языковой личности и речевой культуры. Тип речевой культуры рассматривается нами как специфический способ обмена коммуникативной информацией, свойственный определённому типу языковой идентичности. При этом возрастной и социальный факторы здесь не являются решающими. Арго – это особое мировидение, которым могут отличаться (или позиционировать себя) представители различных возрастных групп и социальных статусов.

По концепции О.Б. Сиротининой речевая культура подразделяется на пять типов:

1. Полнофункциональный (элитарный).
2. Обиходный.
3. Неполнофункциональный.

4. Среднелитературный.

5. Литературно-жаргонизирующий тип речевой культуры.

Первый тип отличается нормативным соблюдением всех функций литературного языка и его носителем является элитарная часть общества. Речь носителей *второго типа* языковой культуры соответствует самым примитивным нормам литературного языка (соответствие остаточным знаниям уроков родного языка). *Третий тип* речи характерен для людей с менее широкими интересами, чем у носителей полнофункционального типа, менее полными знаниями о мире, и в том числе о языке (в основном это люди с высшим образованием). *Четвёртый тип* речевой культуры характерен, прежде всего, для людей со средним образованием. Знаний, и умений у носителей этого типа речевой культуры больше, чем у носителей обиходного, но меньше, чем у носителей неполнофункционального. Характерной чертой *пятого типа* является намеренная сниженность и грубость речи, используемая не в целях создания негативной речевой характеристики какого-то персонажа, а только ради самого снижения речи любыми средствами [16].

По нашему мнению большинство носителей арго занимают разные участки переходной зоны между двумя типами: среднелитературным и литературно-жаргонизирующим. При этом арготические средства, используемые как представителями молодежных субкультур, так и иными, несубкультурными молодыми / немолодыми по возрасту людьми, отражают и вербализуют бытие арготирующих. Это иное бытие, иное измерение, которое дает и иное видение мира, отражаемое в языковом и коммуникативном поведении арготирующей личности.

Арго вбирает в себя «язык, быт, социальные отношения, социальную и индивидуальную психологию, этнографию и культуру в самом широком понимании этого слова» [6, 13]. При этом язык арготирующего, скорее всего, базируется на мифологическом видении мира, что может проявляться в дуалистичности когнитивных и перцептивных механизмов индивида.

Арго, как правило, используется людьми наряду с их родным языком, при этом арго использует грамматику и фонетику национального языка, имея в своем распоряжении лишь особенный словарь. Арго всегда остается вторым «языком» говорящего, а, следовательно, арготирующий человек воспринимает новую («вторичную») картину, в которой явления окружающей жизни получают новые, «свои» наименования, сосуществующие со стандартными наименованиями основного языка [1, 15-16]. Внутри данного языка, – пишет А. Мейе, – определяемого единством произношения и, в особенности, единством грамматических форм, в действительности существует столько особых словарей, сколько имеется социальных групп, обладающих автономией в пределах общества, говорящего на этом языке [22, 251].

Слова и выражения становятся арготическими не только благодаря их порой нетрадиционному написанию или словообразованию, но, прежде всего, потому, что, во-первых, их употребляет более или менее ограниченный круг людей и, во-вторых, эти слова и выражения приносят собой в язык особый смысловой оттенок или «аромат», придают речи большую экспрессивность. Данные параметры принадлежат субстандартной системе некодифицированного, узуального пласта языка, подчиняющегося только «языковой стихии» употребления. К ней можно отнести такие формы существования этноязыка как диалекты, просторечие, жаргоны, сленг и, конечно же, арго. В нашей работе мы употребляем термин «арго» в самом широком номинативном аспекте: языковой субстандарт, включающий в себя просторечие, жаргон, сленг. Мы считаем, что арго обладает достаточно мощным образным потенциалом, что позволяет рассматривать субстандартную лингвокультуру в поэтическом ключе.

Как пишет В.П. Коровушкин: «Языковой субстандарт, или просторечие, – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая, комплексная, системно организованная автономная экзистенциальная макроформа национального языка или его национального варианта, состоящая из системно организованных частных экзистен-

циальных и неэкзистенциальных языковых форм и их элементов, отвечающих социолингвистической норме второго уровня и создающих языковую ситуацию диглоссии различной степени в соответствующих сферах социально-речевого общения в зависимости от социолингвистических параметров коммуникативного акта» [9, 11].

Здесь важны, по крайней мере, три момента:

1. **Стиль.** Субстандартизмы – это стилистически низкий пласт лексики, что, как правило, проявляется в неблагозвучной звуковой форме, в примитивной и вульгарной фразеологии и метафорике. Однако следует учитывать тот факт, что нестандартная лексика часто бывает очень креативна, а, например, французские арготизмы нередко обладают яркими живописными ассоциациями и косвенными способами номинации даже для обозначения традиционно «низких» для русофонов тем: секс, воровство, убийство и пр.: *faire l'amour* (заниматься любовью) = *aller aux fraises* ('ходить по клубнику'); *remuer le gigot* ('переворачивать бараний окорок'); *voir la feuille à l'envers* ('посмотреть на листик с обратной стороны'); *mettre les doigts du pied en bouquet de violettes* ('растопырить пальцы как букет фиалок'). *Voler* (воровать) = *faire un chatouillage au poivrier* ('пощекотать пьяницу'); *plumer l'oie sans la faire chier* (ощипать гуся, не нервирова его); *manger la laine sur le dos* ('срезать шерсть со спины'). *Tuer* (убивать) = *passer à la casserole* ('уложить в кастрюлю'); *faire avaler son bulletin de naissance* ('заставить проглотить своё свидетельство о рождении'); *faire passer le goût du pain* ('показать вкус хлеба'); *envoyer chez les taupes* ('отправить к кротам'). Русский арготический фонд также имеет в своём арсенале немало стилистических изысков, но они принадлежат скорее обценному и воровскому лексикону, за исключением лишь некоторых: *поставить градусник, размагнититься, слушать Мендельсона (Шопена), гастролировать, поделиться с богом, крутить мельницу, оборвать струну, часы остановить.*

2. **Аксиология.** Некодифицированная метафора, помимо своей высокой экспрессивности, отличается специфической системой ценностей. Аксиологический ряд ее носителей выстраивается примерно следующим образом: мой мир – истина, а весь остальной заслуживает презрения, насмешки или, в лучшем случае, снисходительной иронии. Чаще всего это касается уничижительных прозвищ и пейоративных номинантов некоторых профессий: (русский) *чмо, чебурек, баллон, мусор, бамбук, лох*; (французский) *pas fini* (недоделанный), *Gogo* (простофиля), *lent de la compreneur* (тугодум), *blaireau* (лох), *poulaga* (мент), *escargot de trottoir* (тротуарная улитка – о полицейском), *guignol* (гиньоль – о полицейском), *vache à roulettes* (корова на колёсиках – полицейский на велосипеде или на мопеде); (английский) *airhead* (болван), *all mouth and no trousers* ('сплошной рот и без брюк' – хвастун), *all meat and no potatoes* (жиртест), *Dee Dah* (уничижительное наименование жителя Шеффилда), *dirtbag* (бесплезный, никчёмный, презренный человек); *devil dodger* (святоша), *bacon* (бекон – презрительное наименование полицейского), *bizzies* ('занятые люди' – о полицейских), *bull* ('бык, говядина' – о полицейском), *scum* (накипь, пена, осадок – в Великобритании оскорбительный термин для полицейского).

3. **Национальная идентичность.** Субстандартный языковой материал в большей степени, нежели стилистически нейтральный обладает ярко выраженными национальными признаками. Так «маргинальная лексика» содержит трансформированные, часто ироничные, наименования этнокультурных реалий, характерных для каждой нации. Следует отметить, что не все они освоены основной массой носителей национального языка, тем не менее, они могут быть рассмотрены в качестве своеобразных языковых репрезентантов национального сознания:

Русский корпус высказываний:

Александр Третий – коктейль, получаемый из смеси одеколонов «Саша» и «Тройной». Этот напиток имеет абсолютно русскую природу, употреблялся в больших количествах в период горбачевской борьбы с алкоголизмом, так как водка продавалась с 14.00, продажа строго регламентировалась и всем страждущим не хватало горячительных напитков, последние – компенсировались дешевыми одеколорами и лосьонами.

Безалкогольная бормотуха – кличка первого президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева в народе, которого также называли «минеральный секретарь». Наименование связано с периодом борьбы с алкоголизмом, приведшей к увеличению потребления самогона, политуры, одеколонов и пр. В поэме В. Ерофеева «Москва-Петушки» дается следующий невероятный, ироничный коктейль тех времен: «Пиво жигулевское – 100 г., шампунь «Садко-богатый гость» – 30 г., аэрозоль для чистки волос от перхоти – 70 г., клей БФ – 15 г., тормозная жидкость – 30 г., Дезинсекталь для уничтожения мелких насекомых – 30 г. Все это настаивается на табаке сигарных сортов и подается к столу...».

Вермутский треугольник – традиционный русский способ «выпивания на троих». Обыгрывание легендарного наименования «Бермудский треугольник».

МИМО – ироничное название Московского государственного института международных отношений – МГИМО, о трудностях поступления в данное престижное учебное заведение.

Гамбургер – европеец (Крис де Гамбургер вместо Криса де Бурга).

Голубятня – наименование гей-клубов в Москве.

Достоевский, часто *Федор Михайлович* – назойливый человек. Ваша фамилия случайно не Достоевский? Достоевщина – разговор по душам «до потери пульса».

Королевство кривых зеркал – СССР. Социум, существовавший по правилу: ни тебе крепостного права, ни права выезда (*Совок*). *Совки* – жители Советского Союза, шире, носители «совкового» менталитета – разгильдяйства, резонерства, товарищества, братства, иждивенчества и пр (*Хомо-советикус*).

Полковник – трехзвездочный коньяк.

Манная каша – синтетическая толстая подошва у сапог белого цвета [18].

Англосаксонский коллоквиальный материал:

A black sheep (брит.) – «паршивая овца», позор семьи (по старому поверью считалось, что черная овца отмечена печатью дьявола). Фразеологизм является частью пословицы *There is a black sheep in every flock*, что в русском языке звучит как «В семье не без урода».

Blue stocking (презр. брит.) – синий чулок («собранием синих чулок» был назван адмиралом Босковеном один из литературных салонов середины 18 века в Лондоне; причиной тому послужило появление известного ученого Бенджамина Спеллингфлита в этом салоне в синих чулках). Интересно, что сейчас так принято называть женщину, слышущую сухой педанткой, лишенной женственности.

Yellow belly (брит.) – («желтопузый») разговорное шутивное прозвище новичков в университетах Норфолка, Суффолка, Кэмбриджшира, Линкольншира.

Pardon my French (excuse my French) (амер.) извините за выражение (досл. «извините, что я говорю по-французски»).

Rent-a-pig (амер.) – охранник по найму (букв. «свинья по найму» (сop = pig). Конструкция пародирует то, как в Америке называют конторы по сдаче автомобилей на прокат: *rent-a-car*.

Scalper (амер.) – занимающийся обдираловкой. Спекулянт, перепродающий втридорога билеты на популярные шоу или спортивные соревнования (букв. «скаль-посниматель»).

Smacker (амер.) – лицо; поцелуй; монета; доллар.

Whole Enchilada (амер.) – целиком, все вместе. Энчилада – это комбинированное, из нескольких частей, мексиканское блюдо. Поэтому – whole – вся энчилада, а не часть. Названия мексиканских блюд стали бытовыми выражениями в силу огромной популярности мексиканской кухни

Cockeye Bob (разг. австр.) – (букв. «косоглазый Боб») внезапный, короткий шторм или шквал; *cockatoo* – мелкий фермер.

Blue (разг. австр.) – повестка в суд; судебная ошибка; драка; узелок с пожитками свэгмена; прозвище рыжеволосого человека; пьяный.

To be up a gum tree (разг. австр.) – (букв. ‘находиться на эвкалиптовом дереве’), находиться в трудном положении [20].

Французские безэквивалентные выражения:

Ne plus être coté à l'Argus (не котироваться по *Argus*) – быть очень старым о человеке. Французский журнал *Argus* публикует список и сведения о подержанных автомобилях возраста менее восьми лет. Цены на машины в этом журнале являются ориентиром для желающих купить подержанный автомобиль.

Fume, c'est du belge! – (кури, это из Бельгии) ≈ накося выкуси! Непристойная реплика, часто сопровождаемая жестом приглашения к фелляции. В послевоенной Франции долгое время контрабандный табак из Бельгии считался более дешевым и более качественным, чем французский табак.

Les brumes du Nord – (северные туманы) для жителя Прованса символ северных районов Франции с неприветливым климатом. Как только провансалец покидает родную жаркую провинцию, с этого момента для него наступают неуютные, сырые «северные туманы».

Café colonial – (колонциальный кофе) любой алкогольный напиток, употребляемый натошак. Намек на вредные привычки военных во французских колониях.

Fromage et dessert – (сыр и десерт) шуточный символ роскоши и комфорта. Из словаря французских рестораторов в противовес выражению *Fromage ou dessert* (сыр или десерт), обозначающему более скудное меню.

Se porter comme le Pont-Neuf (чувствовать себя как Новый Мост) – чувствовать себя великолепно, превосходно. Строительство Нового Моста через Сену длилось почти 30 лет (1578 – 1607). Жители Парижа имели возможность убедиться в качестве строительства: старые мосты много раз сносились частыми для столицы Франции наводнениями, Новый Мост до сих пор «живет и здравствует» (в русском языке функциональным эквивалентом может служить выражение «крепкий как дуб»).

Et lycée de Versailles (и Версальский лицей) – наоборот. Каламбур, основанный на фонетическом сходстве (*Et vice versa*).

Être la madeleine de quelqu'un (быть чьей-либо мадленой) – быть объектом, вызывающим череду воспоминаний у кого-либо. Намек на прустовскую мадлену, бисквит, играющий центральную роль в романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» в качестве своеобразного «включателя» воспоминаний детства.

De Monoprix (из магазина *Монопри*) – в уничижительном смысле по отношению к чему-либо, кому-либо, ≈ дешевый. Вариант – *de Prisunic* (из магазина Призюник). По отношению к магазинам единых, стандартных цен, открывшихся во Франции в тридцатых годах. Изначально, коммерческая стратегия состояла в том, чтобы продавать товары не дороже, чем за 10 франков.

Avoir décroché le pompon (сорвать помпон) – дойти до предела; всех переплюнуть. По отношению к помпонам на головных уборах военных элитных войск Франции.

Quatorze juillet (четырнадцатое июля) – обозначает мужской оргазм по образу праздничного фейерверка 14 июля, национального праздника Французской республики.

La queue du renard (лисий хвост) – рвота; изрыгание. Выражение основано на чисто французском восприятии качеств животного, в частности, его живучести (ср. в русском коллективном сознании лиса ассоциируется скорее с хитростью).

Épaules en (bouteille de) Saint-Galmier (плечи в виде бутылки Сен-Гальмье) – отвислые плечи. По форме бутылки минеральной воды из французского источника Сен-Гальмье (в настоящее время вода продается под коммерческим названием Бадуа).

Lunettes de la Sécurité (очки Секю) – низкосортные очки. Намек на дешевые очки, цена которых полностью компенсируется французской службой социального обеспечения (*Sécurité sociale*) [21].

Это, конечно, далеко не полный список «национальных маркеров», слов и выражений, имеющих дополнительную этнокультурно окрашенную семантику и употребляемых только в русской, англосаксонской и франкоязычной среде. Все они не

имеют буквальных соответствий в иностранных языках и для их передачи необходимо использовать дефиниционный или описательный перевод. В данном типе речений культурный компонент является преобладающим и может служить адекватным материалом для выявления признаков национальной арготирующей личности.

По мнению Е.Я. Басина и В.М. Краснова, такое явление, как арго, вполне можно также отнести к одному из проявлений так называемого социального символизма: «Различие между языковым и социальным символизмом выступает наружу всякий раз, когда языковое поведение само втягивается в орбиту социального символизма, приобретает значение социального символа. В этой ситуации языковые модели получают вторичное, невербальное значение» [4, 165].

Данный тип речевой культуры может быть соотнесён с соответствующим типом языковой личности. Термин «языковая личность» мы рассматриваем как понятие, представляющее собой реализацию типичных речевых особенностей носителя языка реально существующего социума, в типичных ситуациях языкового общения, в рамках так называемого «культурно-обусловленного сценария». «Человек говорящий» определяется как представитель группового речевого поведения, неповторимость которого обусловлена целым рядом уникальных социально-психологических свойств. При этом речь не идет о создании социально-психологического портрета «среднего» представителя субкультуры, а о попытке перейти от произвольности индивидуума к узуральности социума, с целью выявления речевых тенденций в рамках естественной вербальной реакции носителя языка на ту или иную типичную ситуацию. В этом случае «семиологические значимости языка будут непременно иметь виртуальный и, следовательно, общий характер, для того чтобы язык оставался независимым от настроений индивида и от самих индивидов. Такого рода знаки должны, однако, применяться к всегда новой, конкретной ситуации» [8, 87].

В рамках нашей концепции для определения операциональных границ исследования предлагается использовать термин «арготирующая языковая личность», которая соотносится со среднелитературным и литературно-жаргонизирующим типами речевой культуры. Арготирующая языковая личность рассматривается в индивидуально-психологическом и национально-культурном аспекте. Важную роль здесь играет анализ речевого поведения носителей сленга в рамках устойчивых коммуникативных форм – речевых жанров.

Построение модели арготирующей языковой личности с необходимостью опирается на семиотический подход к исследованию фактического материала, так как язык сам является семиотической системой в культуре. Это означает, прежде всего, что в языковой действительности выделяются значимые и незначимые элементы: «Элементы, не несущие значения, с точки зрения данной системы моделирования как бы не существуют. Факт их реального существования отступает на задний план перед лицом их нерелевантности в данной системе моделирования» [12, 80].

Семиотический подход к трактовке языковой личности рассматриваемого типа соотносится с всеобъемлющей динамической моделью мифологизации бытия, охватывающей природные объекты, артефакты, основные витальные модусы. В данной системе знаний личность рассматривается как носитель специфической концептуальной картины мира, отражаемой не только в лексике, грамматике, морфологии используемого языка, но и в особенностях коммуникативного поведения представителей той или иной нации.

В русле вышесказанного арготирующая личность может трактоваться как текст с присущими ему законами функционирования. Известно, что текстовая проекция языковой личности включает в себя две базовые категории: *непроизвольность* и *иконичность* [23; 19; 11]. Непроизвольность соотносится с понятием обыденного дискурса, а иконичность с понятием художественного дискурса.

В своих основополагающих функциях непроизвольность обусловлена принадлежностью к определенной этнокультуре, а иконичность – идиолектом как категорией

субъекта. Исходя из положения о том, что обыденная речь может обладать свойствами художественности, а в художественном тексте используются элементы обыденного дискурса, можно предположить, что национальная языковая личность интегрирует два основных типа личности: лингвонормативный и лингвокреативный. Лингвонорматив – языковая личность, в структуре которой преобладает регулятивный подход к употреблению языкового материала и коммуникации, а лингвокреатив – языковая личность, в структуре которой преобладает творческий подход к употреблению языкового материала и коммуникации.

Предлагается рассматривать арготирующую личность как разновидность лингвокреативной личности. Данный тип личности обладает следующими параметрами семиотической реализации:

1. *Моделирующая структура* – с помощью воссоздания «речи» субъекта, дискретно организует новые представления об объекте когниции (суггестивная функция, личностная активность эго).

2. *Идиолект* – дифференцированность семантики, произвольность в выборе языковых средств, подвижность языкового знака.

3. *Волевитивность* – субъективная контролируемость языкового и коммуникативного действия.

4. *Индивидуация* – ориентация языка и коммуникации на интеграционное выделение индивида из этнокультуры.

Первый параметр связан с тем, что арготическая личность может использовать в своей речи намёки, недомолвки, реминисценции, имитацию различных арготирующих техник, иногда, виртуозные ассоциации, «мифологизированные» образы. Мифологичность рассматривается здесь как создание параллельного дискурсного пространства. Мифологический фон часто необходим арготирующему индивиду как декорация для языковой игры, основанной на фарсе. Но миф не только фон, но и сущность происходящего его тайный смысл, относительная иррациональность человеческого поведения.

Второй параметр обусловлен подвижностью семантики языкового знака в процессе функционирования арготического дискурса. Речь идёт о неконвенциональной трактовке языкового знака, когда номинант гипостазирует объект номинации. Некодифицированная лексика может иметь ядерное положение в языковом сознании арготирующего, когда слова выступают в качестве реакций на значительное число стимулов, имеют максимальное количество ассоциативных связей, актуализируются в разных ассоциативных полях, заменяют близкие по семантике кодифицированные языковые знаки или овнешняют образы сознания [5].

Третий параметр направляется волевыми инстанциями арготирующего индивида. Арготирующий человек – это творящий человек, волевые импульсы которого активно воздействуют на коммуниканта.

Четвёртый аспект связан с относительной дезинтеграцией арготирующей личности из пространства «родной» лингвокультуры. Арготическое видение – это всегда рождение нового сознания, это всегда путь «против течения». Этот путь ведёт к устойчивости психической структуры и понимается следующим образом: мучительный, болезненно переживаемый процесс осознания страха частичности, дисбаланса в структуре личности, поиска пути к новому состоянию с его неопределённостью и спонтанностью; далее – воссоздание гармонии и структурной однородности внутренней организации, которое сопровождается ощущением покоя и благодати, устойчивости и стабильности [3].

С точки зрения психологических поведенческих установок арготирующая языковая личность позиционируется в «пограничной зоне» социума. Внутреннее «я» человека арготирующего нестабильно и находится в постоянном поиске внешних компенсационных опор, ключевыми из которых выступают языковые механизмы категоризации. Арготический языковой материал является модифицированной ипостасью общенационального языка. Коммуникант, использующий данный регистр языка, остается, тем не

менее, в рамках общенациональной языковой культуры и одновременно валоризирует свой внутренний мир. В данном случае арго рассматривается, как продукт «духовного» индивидуального творчества представителей отдельных социальных и профессиональных группировок, служащий выражением определенного «духа» или «ступени сознания» людей, принадлежащих к той или иной общественной среде [13].

Так, француз, говоря следующую фразу: «*J'ai envie de changer de registre*» (букв. 'Хотелось бы сменить манеру, имидж'), позиционируется в качестве представителя шоу-бизнеса, так как употребляет жаргонную лексику из данной сферы человеческой деятельности. Герметический смысл приведённой фразы: «Не знаю, что и придумать, чтобы поправить свои дела».

Арготирующий англичанин скажет «*twist and twirl*» (букв. 'вращение и кручение') для обозначения «девушка», «*storm and strife*» (букв. 'шторм и ссора') для использования вместо «жена», «*a lump of lead*» (букв. «кусок свинца») – вместо «голова». Англичане также говорят: «*The Better the Man, The Better his Money*» – чем лучше человек, тем лучше его деньги. А у нас (в России) все еще можно услышать: «Чем больше денег, тем меньше человека»... Такова разница в менталитетах наций, отраженная в языках [15].

Русский, употребляя термины: *балдёж* – удовольствие, наслаждение, *прикол* – шутка, розыгрыш, *ништяк* – отлично, здорово, *облом* – неприятно, неудача, *умат* – крайняя степень веселья, *шухарной* – смешной, *шухарить* – смешить, *драконить* – озлоблять, дразнить и пр., сознательно помещает себя в арготирующий дискурс. Причины могут быть психологического, социокультурного плана. В любом случае, «человек арготирующий» становится проецируемой реальностью для homo loquens. Арготические словообразовательные средства служат, прежде всего, созданию экспрессивного эффекта, стилистической маркировки социолектных средств. Они поддерживают эмотивную оценку денотата, сохраняют её в семантике деривата. С точки зрения психологической теории в этом случае в качестве эмоциогенных факторов рассматриваются сознательные оценки, которые человек дает ситуации [17, 21].

Заключение

Итак, любой тип речевой культуры отражает определённый тип мировоззрения, философии жизни. Арготический дискурс предстает, с одной стороны, как речевая деятельность, с другой стороны, как результат этой деятельности, находящийся в постоянном творческом развитии взаимосвязанных семиотических уровней производства новых смыслов. Поскольку коммуникативный акт представляет собой вид языковой игры, правила которой подчиняются стереотипам мировидения, то интенциональные линии коммуникации функционируют в зависимости от приоритетов когнитивной деятельности сознания и отражаются в языковых структурах. Арготирующие способы языковой концептуализации, как и любые другие, соотносятся с определённым типом категоризации действительности и могут быть исследованы в русле соответствующих когнитивно-коммуникативных методик.

Список литературы

1. Абдрахманова О.Р. Языковая картина мира во фразеологизмах арготирующих французов // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Тезисы Международной научно-практической конференции 7–9 декабря 2001 года. – Челябинск, 2001. – С. 15–16.
2. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства. Дис... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 266 с.
3. Базылев В.Н. Синдром эпистемической фрустрации // Несытые слова. – М., 2000.
4. Басин Е.Я., Краснов В.М. Социальный символизм // Вопросы философии. 1971. – №10. – С. 165.
5. Гуц Е.Н. Репрезентация образов сознания подростка некодифицированными языковыми знаками: психолингвистический аспект. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005.

6. Елистратов В.С. Арго и культура. – М., МГУ, 1995. – 231 с.
7. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
8. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд. – М., 1965. – Ч. 2. – С. 85–93.
9. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии. Автореф. док-ра филол. наук / В.П. Коровушкин. – Пятигорск, 2005.
10. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. № 1. – С. 97–124.
11. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: Искусство – СПб, 1998. – С. 14 – 285.
12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
13. Маковский М.М. Современный английский сленг. Онтология, структура, этимология. – М.: КомКнига, 2005. – 170 с.
14. Нургалева Г.М. Арго: от герметики к карнавалу // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1998, № 2. – С. 117–133.
15. Романовский В. www.dengi-info.com © 2002-2009 Газета "Деньги +"
16. Сиротинина О.Б. Реальное функционирование русского языка в его соотношении с типами речевой культуры // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005. – Вып. 5. – С. 6–16.
17. Цыбулевская А.В. Эмотивный арготический лексикон: Автореф. дис. ... к-та филол. наук – Ставрополь, 2005. – 29 с.
18. Щуплов А. Жаргон-энциклопедия современной тусовки. – М.: Голос, Колокол-Прес, 1998. – 554 с.
19. Якобсон Р. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
20. АBBYU Lingvo X 3, Электронный словарь, 2009.
21. Bernet Ch., Rézeau P. Dictionnaire du français parlé. Le monde des expressions familières. – P.: Éditions du Seuil, 1991. – 382 p.
22. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale. – Paris, 1926.
23. Peirce C. S. Écrits sur le signe. – P.: éd. G. Deledalle, P.: Édition du Seuil, 1978.

HOMO ARGOTICUS AS A LINGUISTIC IDENTITY

A.P. Sedykh
A.A. Mikhailov

*Belgorod
State
University*

*e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru*

The paper deals with the problem of linguistic identity, particularly of the so-called argotic identity in linguistic and cultural approach to the analysis of language phenomena. The lingual personality is seen as a certain type of identity functioning by specific ways of sharing communicative information. Argotic ways of language conceptualization relate to a specific type of Weltanschauung. Prospects for research of this type of personality are seen in line with certain cognitive-communicative methods.

Key words: linguistic identity, lingual culture, argotic discourse, semiotics of communication.